

*С.К. Костовска¹, Ю.Ю. Гордова², О.А. Герцен², А.А. Герцен¹
S.K. Kostovska, Yu. Yu. Gordova, O.A. Herzen, A.A. Herzen*

¹Институт географии РАН, г. Москва, silvakos@igras.ru

²Институт языкознания РАН, г. Москва

Историко-картографический и топонимический подходы в геоархеологии (на примере изучения храмов и храмовых комплексов)

Historical-cartographic and toponymic approaches in geoarchaeology: a case study of temples and temple complexes

Рассматривается методология и результаты комплексных исследований культовых сооружений в рамках историко-картографического и топонимического подходов к решению междисциплинарных научных задач. Геоархеология и историческая география позиционируются как смежные и взаимосвязанные научные дисциплины, нацеленные на комплексные исследования как отдельных памятников наследия, так и познание и реконструкцию эволюции регионов и географического пространства в целом. Детально представлены результаты изучения взаимосвязи топонимии и христианских архитектурных памятников (на примере экклезиоименов Северо-Восточной Руси), а также междисциплинарного анализа отдельного объекта историко-культурного наследия (православного храма в Северной Молдавии).

In the paper, we consider the methodology and results of complex studies of religious buildings within the framework of the historical-cartographic and toponymical approaches to solving interdisciplinary scientific issues. Geoarchaeology and historical geography are positioned as adjacent and interrelated scientific disciplines aimed at comprehensive studies of both individual heritage sites and the knowledge and reconstruction of the evolution of regions and geographical space overall. We provide the results of a detailed study of the relationship between toponymy and Christian architectural monuments based on the case study of ecclesiastical names of North-Eastern Russia), as well as an interdisciplinary analysis of a specific object of historical and cultural heritage (an Orthodox church in Northern Moldavia).

Храмы и храмовые комплексы как объекты междисциплинарных исследований. Геоархеология и историческая география – неразрывно связанные и взаимодополняющие дисциплины. Вместе с тем «анализ геоархеологического пространства и территориальности позволяет получить информацию для формирования прогнозирования, обоснования возможностей и разработки методики поиска геоархеологических объектов разного возраста» [Бердникова и др., 2020]. Природно-антропогенные геосистемы, географические ландшафты, эволюцию которых изучает историческая география, включают огромное количество археологических объектов. Многие из них уже являются памятниками охраняемого историко-культурного наследия, другие обнаружены недавно, исследуются, а некоторые только предстоит выявить и изучить. Все они при этом – важнейший компонент и неотъемлемая часть ландшафта, а также маркеры историко-культурного и социально-экономического развития пространства и общества.

Одни из наиболее многочисленных, и в то же время в меньшей степени изученные, памятники наследия – храмы и храмовые комплексы. Они являются одновременно

архитектурными и/или археологическими объектами и представляют интерес для специалистов соответствующих дисциплин. Храмовые комплексы являются важнейшими элементами историко-географических ландшафтов и индикаторами историко-культурного развития любого региона. Широкое распространение, высокое многообразие, длительность эволюции создают объективные трудности при исследовании таких объектов, требующих комплексной и междисциплинарной методологии.

Важным вкладом географов, картографов, историков и лингвистов в комплексные геоархеологические исследования памятников наследия служит развитие историко-картографического и топонимического подходов. Систематизация и анализ картографических материалов изучаемых объектов, их географического и лингвистического содержания дают большие результаты в решении связанных с ними научных междисциплинарных проблем и задач в рамках каждого отдельного направления.

Значение картографических источников в геоархеологических и историко-географических исследованиях. Источниками, наглядно отображающими пространственную структуру территории, являются карты, созданные различными способами, в разных системах условных обозначений и масштабах. Карта как визуальное отображение пространства позволяет охватить «местность одним взглядом» и сразу получить общее представление о ландшафте. Комплексный картографический анализ позволяет сформировать целостное представление об исследуемом пространстве, систематизируя и расширяя понимание историко-географической эволюции местности и одновременно детализируя полученные сведения в ходе полевых работ и других методов [Герцен и др., 2019; Герцен, 2020; Герцен и др., 2021]. Историко-картографический подход в геоархеологических исследованиях способствует также выявлению взаимосвязей компонентов ландшафта, как природного, так и социального генезиса. «Основным средством установления таких взаимосвязей служит, прежде всего, сопоставление карт разных лет издания одной тематики и карт разной тематики, как одного года издания, так и разновременных. В случае если такие карты представлены в одном атласе, то согласованность карт разной тематики облегчает исследование. Когда же карты не только не согласованы между собой, но и выполнены в разное историческое время с использованием различных условных обозначений, в иных масштабах и т.д., то работа по выявлению каких-либо закономерностей значительно затрудняется. Знание сложностей, которые могут возникнуть во время чтения и анализа разновременных картографических источников позволяет избежать ошибок и неточностей при интерпретации полученной информации» [Костовска, Стульшапку, 2011]. Значение старинных карт как топонимических источников подробно раскрыто ещё Е.М. Пospelовым. «Привлечение ряда карт, созданных в различное время на одну и ту же территорию, позволяет проследить изменения, происшедшие с течением времени в географических названиях, выявить динамику топонимических явлений» [Пospelов, 1971, с. 93].

Одной из наиболее ранних дошедших до нас карт России и соседних государств в её текстовом описании является «Книга Большому чертежу», составленная в XVI в. по приказу Ивана Грозного и значительно дополненная в XVII в. на Европейскую часть России. Все описания в ней даны по рекам Донец, Дон, Терек, Днепр, Угра, Ока и рекам поморским, а также по основным путям, таким как Муравский шлях, Кальмиуская и Изюмская дороги. Уделено внимание и населенным пунктам, и расстояниям между ними, перевозам, перелазам, примечательным урочищам, а также хозяйственной деятельности и культовым сооружениям. Помимо этого, описывается деятельность, в результате которой сформировался «культурный ландшафт», что позволяет получить приблизительное представление об этническом составе, народах, населяющих конкретную

территорию, деятельности, компонентах ландшафтов и нанесенных на карту культовых сооружениях. Картографические изображения позволяют получать и представление о вероисповедании проживающего на конкретной территории населения, в т. ч. в обозначениях перечисленных церквей.

Изучение историко-картографической эволюции и историко-архитектурных характеристик объектов наследия г. Архангельска наглядно продемонстрировало, что Михайло-Архангельский монастырь, изначально основанный ещё новгородским архиепископом Ианном в начале XII в., располагался в устье р. Северная Двина при входе в город-порт и выполнял определенные функции, в том числе оборонительные, служил ориентиром для путешественников, выступал в качестве «центрального места» и, главное, являлся объектом удовлетворения духовных (религиозных) потребностей, проживающего в городе и окрестностях населения [Костовска, Костовска, 2021]. Иными словами, во время своего существования монастырь соответствовал основным принципам организации городского пространства, таким как функциональное взаимодействие с окружением и гармонизация. При этом на протяжении длительного времени до разрушения главного сооружения монастыря – Михайло-Архангельского собора, а также церкви во имя Грузинской иконы Божьей матери, колокольни над святыми воротами и других построек на монастырской территории сохранялись основные принципы проектирования культовых сооружений, прежде всего принцип преемственности, благодаря которому сохраняются и развиваются не только градостроительные, но и религиозные традиции.

Культовые сооружения и топонимия. Слово Божие в географической синхронии и диахронии находит непосредственное отражение в топонимии (Знаменки, Воздвиженки, Варварки, Покровские, Преображенские, Рождественские, Вознесенские, Сретенские и т.п. улицы, бульвары, слободы, районы и т.п.). Изучение этих элементов позволяет реконструировать этапы генезиса и развития культурного ландшафта. Культовые традиции и объекты – не только обязательный элемент, характеризующийся повышенной устойчивостью, что доказывается историей развития регионов на постсоветском пространстве, но и важнейший компонент ландшафтной структуры и историко-географической эволюции пространства. Прошедшие через эпоху богоборчества с максимальным давлением на религиозную составляющую общества, развитие атеизма, разрушение храмов, социальные и топонимические репрессии, нивелирование памяти, связанной с данным компонентом, ландшафты сумели сохранить все эти признаки. Разделение социума на церковный компонент, максимально суженный, и мирской, подвергавшийся идеологической трансформации и строивший коммунизм, не привело к полному уничтожению роли храма в ландшафте. И Слово Божие, сохранённое в церковной среде, и вера, тлевшая в миру, и как хрупкая драгоценность, передаваемая сквозь поколения, как птица феникс возродились из пепла, возрождая храмы и расширяя приходы, показывая, как важен этот элемент для социума в целом и населяемого им пространства в частности. Как видим, проблема взаимосвязи и взаимозависимости храмовой архитектуры (как и археологической культуры, и культуры в целом) с этносами и ландшафтами гораздо шире, чем обычно представляется, и требует всестороннего изучения.

Большое значение имеет изучение взаимосвязи распространения религий, строительства соответствующих культовых сооружений и топонимии. Значительная группа названий различных регионов связана по происхождению с экклезионимами – наименованиями церквей, монастырей, часовен, мест совершения обряда и других религиозных объектов. С введением на Руси христианства и возведением первых храмов и монастырей (Киево-Печерский монастырь XI в., Успенский собор во Владимире XII в. и др.) в русском топонимическом пространстве начинает активно формироваться группа

топонимов отэклизионимного происхождения. В русских землях с древними топонимическими традициями появление названий, связанных с христианской культурой, носило массовый характер, на русских окраинах этот процесс начался позднее и распространялся волнообразно – «культовая» номинация активизировалась по мере освоения территорий. Так, в Радонежской земле основной пласт «религиозных» названий сложился уже к XV в. А на территориях позднего славянского заселения – не ранее XVII в. В частности, в Среднем Поволжье такие названия стали возникать после христианизации коренных народов (чувашей, марийцев, татар): монастырь Раифская пустынь (1613 г.), Елабужский монастырь (1616 г.), Седмиозерная пустынь (1625 г.), ойконимы Рождественно, Богородское, Архангельское (кон. XVII в.) [Бусыгин, 1966, с. 55–56; Цыганкин, Исламова, 1986]. В Рязанском великом княжестве (периода его самостоятельности) еще до XVI в. известны: Пятницкие церкви у сёл Козарь (XII в.) и Толпино (XIV в.), Христорождественский собор в Переславле-Рязанском (XIV в.) [Цепков, 1996, с. 479–480]. Из топонимии южных окраин Северо-Восточной Руси в письменных источниках XIV–XV вв. упоминаются: с. Рождествено (1371 г.), Дмитриевский монастырь (XIV в.) [Добролюбов, 1996, т. II, с. 264–265; Гордова, 2006]. Редкие упоминания и малочисленность группы свидетельствуют о слабой заселенности территории, о непродуктивности «культовой» номинации, о её слабом влиянии на топонимию пограничного региона.

Топонимическая ситуация практически не меняется и в XVI в. Памятники этого времени по-прежнему фиксируют лишь единичные примеры. Однако в XVII в. в приграничных поселениях, к тому времени уже достаточно обжитых, начинается активное возведение культовых объектов, возникает большое количество экклизионимов и связанных с ними ойконимов. Новая традиция – именованья сел по находящимся в них церквям и монастырям – становится всё более актуальной и в центральных русских землях, и на пограничных территориях. Однако активизация данного процесса по времени не была синхронна продвижению линии засек, которые в известной степени очерчивали границы Русского государства, – она начиналась только после первичного освоения приграничья: часовни, церкви возводились после «обживания» поместного владения и формирования в поселении постоянного населения («А церкви в том селе нет, потому что вновь селятся» [Добролюбов, 1996, т. III, с. 162]). Православные храмы и монастыри становятся центрами духовной жизни. Каждый из них посвящен какому-либо событию из Евангелия, церковной истории или святому, то есть определенному празднеству календарного круга. При этом, как отмечала А.В. Суперанская, на Руси «дни, посвященные одним святым или событиям, в силу ряда причин сделались широко известными, а посвященные другим... не вошли в широкое бытовое употребление» [Суперанская, 1973, с. 198–199]. Отражением и выражением этого является экклизионимия: одни названия употребительны и частотны, причем в разных русских регионах, другие – представлены единичными примерами или имеют региональный характер.

Состав и характер экклизионимов во многом определяют состав и характер ойконимии «культового» происхождения, продуктивность в топонимии тех или иных культовых имен. Чаще всего основой для названий поселений становились наименования храмов. В ряде случаев в поселении с уже присвоенным «культовым» названием первоначально была только часовня – церковь с тем же имяпосвящением возводилась позднее: «а в селе на опчей земле часовня, где быть церкви Богоявления Господа Спаса» [Добролюбов, 1996, т. II, с. 330]. В результате в той или иной местности формировались целые группы наименований, объединенных общей именной основой. Они образовывали своеобразные онимические гнезда, в которых вторичные образования формировались не просто вокруг

религиозного объекта, а вокруг одного культового имени. Оно присваивалось различным по типу и времени построения религиозным объектам, чем обеспечивалась именная преемственность: часовня в честь св. Николая в с. Никольском, затем одноименная церковь; Пятницкий монастырь с церковью во имя Параскевы Пятницы.

Сохранение имени наблюдалось и в случае утраты или замены экклезионимов (после ликвидации церкви, часовни или возведения нового христианского объекта на месте прежнего): озеро Ильинское на территории с. Ферапонтово (от исторического с. Ильинского с Ильинской церковью). В городке Рясском (совр. г. Рязск Рязанской области) построенный на Пятницкой пустыни Троицкий монастырь сохранил имяпосвящение упраздненного Пятницкого монастыря в виде Пятницкой церкви, а позднее (после упразднения и храма) в виде придела в честь Параскевы Пятницы в новой Троицкой церкви; причем в русской топонимии известно множество аналогичных примеров. Те же тенденции наблюдались и в ойконимии: Богословское (в 1674 г. Богословская церковь перенесена в другое село, новая возведена только в XVIII в.), Спасское (в XVIII в. возведена новая Преображенская церковь на месте Спасской XVII в., название поселения сохраняется). Известны случаи переноса названия в выселковые села: Ильинск (Скопинский Ильинск) – выселки из села Вослеба (Вослебский Ильинск); Новобогородицкое – выселки из прихода церкви в честь Рождества Богородицы села Боровое. Тенденциозный характер носят названия поселений примонастырских земель: Дмитриевский монастырь – с. Дмитриевское, с. Дмитриевский Боровок.

Взаимоотношения «культовых» названий с названиями, отражающими иные традиции называния, складывались по-разному в различных русских землях. Повсеместно отмечен процесс замены или наложения «культовых» названий на названия, связанные с местной географической терминологией: с. Высокое, «а в нём церковь Егорей страстотерпец», затем с. Егорье-Высокое → Егорьевское → совр. г. Егорьевск Московской обл. [Русская ономастика..., 1994, с. 125]. Взаимоотношения «культовой» и антропонимической топонимии в разных регионах зависят от того, насколько сложилось здесь поле экклезионимов к XVI–XVII вв. – в это время повсеместно начинает активно формироваться вотчинно-поместная топонимия. В Радонежской земле, топонимическая система которой оформилась в XIV–XV вв., а «культовое» поле – в XV – первой половине XVI вв., в XVI–XVII вв. происходит частичное вытеснение «религиозных» топонимов новыми названиями антропонимического происхождения (такие названия, отражавшие имена прежних владельцев, появлялись у поселений даже после того, как они становились монастырскими вотчинами): Ильинское (XV в.) → Панино (XVII в.) [Русская ономастика..., 1994, с. 237]. На русской окраине наблюдается обратный процесс. Традиция именованья по культовым сооружениям развивается только после формирования группы вотчинной топонимии, поэтому «культовые» названия здесь накладываются на названия антропонимические: Шишкино (XVI в.) – Покровское (XVII в.).

В русской топонимии традиция именованья поселений по названиям церквей или монастырей на протяжении нескольких столетий оставалась актуальной, и численность группы «культовых» названий была более или менее постоянной. Уменьшение доли таких названий в общем топонимиконе отмечается только в XX в. Так, например, в Подмосковье переименовываются Богородск, Воскресенск, Сергиев Посад. Изменяется форма многих названий: Введенское – Введеновка. Обратный процесс – восстановление исторических наименований – начинается в 1990-х гг.

Междисциплинарные исследования отдельных памятников наследия (на примере церкви Успения Богородицы в Василькове на Днестре). Чрезвычайно высокую продук-

тивность для решения не только проблем изучения отдельно взятых памятников, но и сопряжённых направлений показывает междисциплинарная интеграция. Так, комплексный историко-географический, топонимический и архитектурный анализ уникального памятника средневекового культово-оборонительного зодчества – церкви Успения Богородицы в Василькове на Днестре и окружающей его территории – способствовал решению ряда важных научных проблем.

Архитектура храма представляет собой весьма редкий пример сооружения, сочетающего традиции деревянного зодчества на основе пропорций, применявшихся в древности для строительства церквей из камня. Возвышенный мыс с крутыми склонами, на котором построен храм с башней-колокольней, двором, торговой площадью, а также древней торговой дорогой и переправой через реку, представляют собой яркий пример природного и историко-культурного комплекса, основу которого составляет средневековый укрепленный пункт с уникальным памятником культово-оборонительного зодчества. Географическое положение Василькова в средневековую эпоху на государственной границе Молдавского княжества с Великим княжеством Литовским (а ныне – современной Молдавии и Украины) обусловило создание здесь укрепленного пограничного пункта, служившего восточным форпостом столицы Сорокского цинута (державы, края), и его главного сооружения – уникального Сорокского замка. С учётом особенностей архитектуры и истории развития региона можно датировать время возникновения укрепления в Василькове и строительства Успенской церкви 1490-ми гг. и их большое значение в XVI–XVII вв., что, в свою очередь, объясняет модернизацию фортификаций на противоположном берегу в 1630–1640-х гг. и их обозначение на карте 1650 г. [Нестерова, Герцен. 2021; Герцен и др., 2021].

Решение историко-географических загадок, окутывающих памятники наследия, проведено и на основе комплексного полимасштабного историко-картографического анализа и применения современных геоинформационных методов. Наглядным примером в этом отношении служит метод сопоставления картографических изображений местности по хронологическим срезам (в различные исторические периоды), который позволил проследить историко-географическую эволюцию Василькова и его окрестностей с конца XVIII до начала XXI в. Анализ старинных географических карт в сочетании со сведениями письменных исторических источников формируют незаменимую другими методами картину эволюции пространства, функциональной роли того или иного места в прошлом и настоящем. На современном этапе развития геоинформационных технологий открылись широкие возможности детального сопоставления топографических карт с аэрофотографическими и космическими снимками местности, причём, что исключительно важно, на полимасштабном уровне, а также высокоточными цифровыми моделями рельефа, гидрографии и другими картографическими продуктами. Такие технологии позволяют рассмотреть исследуемые участки одновременно дистанционно и сверхдетально и охватить гораздо большее пространство, генерализуя подробности, что исключено в рамках одних только полевых исследований [Герцен и др., 2021].

Историко-картографический и топонимический подходы чрезвычайно продуктивны не только при проведении геоархеологических реконструкций отдельных памятников наследия, но и в исследованиях историко-географической эволюции регионов и пространства в целом. Так, например, анализ географических названий, встречающихся в средневековых грамотах и на старинных географических картах, показал, что в топонимической системе среднего течения р. Днестр выявляется несколько топонимов Василько́в/Василёв с сопутствующими группами одноимённых топонимов (Вербовцы, Юрковцы, Ленковцы и др.), что наряду с существованием ряда населённых пунктов с

дублирующимися названиями свидетельствует о процессах масштабного топонимического переноса в прошлые эпохи и формировании ядер топонимических ландшафтов, сохранившихся до наших дней. Этот процесс охватил не только Северо-Западное Причерноморье и прилегающие к нему территории, но и гораздо более широкие пространства Восточно-Европейской равнины. Васильков на Днестре, населённый пункт и его название, возникнув в глубокой древности в ходе миграционных процессов, будучи небольшой, но важной пограничной крепостью, а затем просто селом, сохранился до настоящего времени и представляет собой огромный научный интерес на пересечении географии, истории, топонимики и архитектуры. Природный и историко-культурный комплекс Василькова, как и многие другие объекты культового зодчества, нуждается в проведении дальнейших детальных специализированных, в том числе археологических исследований, усилении охраны на локальном и национальном уровне, популяризации, обустройстве инфраструктуры для развития и расширения туристического потенциала [Герцен и др., 2021].

Таким образом, историко-картографический и топонимический подходы, привлечение археологических материалов, письменных источников, исследований географов, историков, филологов, этнографов, культурологов, архитекторов и других специалистов, определение места, значения и роли культовых сооружений в структуре ландшафтов, дают весьма продуктивные результаты при проведении комплексных геоархеологических исследований, в решении междисциплинарных научных задач, в воссоздании объективной картины прошлого отдельных памятников наследия, регионов, а также историко-географической эволюции пространства в целом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44277.

Литература

Бердникова Н.Е., Бердников И.М., Воробьева Г.А. Геоархеологическое пространство: проблемы геоархеологических территорий // Геоархеология и археологическая минералогия. 2020. С. 207–210.

Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. Казань, 1966. 402 с.

Герцен А.А., Костовска С.К., Нестерова Т.П. Загадки Василькова на Днестре: история, география, топонимия, архитектура // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2021. Т. 27. Ч. 4. С. 495–519.

Герцен А.А. Картографические методы решения историко-географических проблем (на примере полимасштабных исследований регионов Европы, Средиземноморья и Северо-Западного Причерноморья) // ИнтерКарто. ИнтерГИС, 2020. Т. 26. Ч. 4. С. 266–281.

Герцен А.А., Нестерова Т.П., Паскарь Е.Г., Тельнов Н.П. На перекрёстке цивилизаций: пространство, время, наследие. Новейшие историко-географические исследования некоторых памятников Северо-Западного Причерноморья. М. СПб., 2019. 416 с.

Гордова Ю.Ю. Топонимия Рязской Засечной черты // Рязанский этнографический вестник. 2006. Вып. 37. 157 с.

Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской Епархии: в 4 т. Аутентичное издание. Рязань, 1996.

Костовска С.К., Стульшанку В.О. Разновременные картографические произведения в исследованиях исторической динамики преобразования территории. Вестник ТГУ. 2011. Т. 16. Вып. 5. С. 1308–1312.

Костовска С.К., Костовска Ст.К. Культовые сооружения как элемент вмещающего ландшафта // Социоестественная история. 2021. №.44. С. 208–215.

Нестерова Т.П., Герцен А.А. Архитектурная и историко-географическая загадка церкви села Василкэу. *Revista Arta*, 2021. V. XXX. № 1. С. 139–147.

Поспелов Е.М. Топонимика и картография. М., 1971. 256 с.

Русская ономастика и ономастика России / Под ред. акад. О. Н. Трубачева. М., 1994. 287 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. 366 с.

Цепков А.И. Экономика Рязанского края конца XIV – середины XVI вв. по письменным источникам. Рязань, 1996. С. 658 с.

Цыганкин Д.В., Исламова Т.Н. Топонимы, связанные с историей засечных черт // Ономастика Поволжья. Саранск, 1986. С. 77–83.